

Кристина АНДРИАНОВА-КНИГА

КИНОГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Нынешнее время не самое веселое, однако даже в критические моменты истории не только песня, но и шутка строить и жить помогает. Часто потому, что парадоксально вбирает в себя черты исконно русской драмы... В данном случае поговорим о более-менее успешных комедиях, отражающих искания, «беды и победы» российского поколения — современника очередного перелома эпох, происходившего в 1984—2004, по иной трактовке — в 1981—1996 годах. Поговорим о «видавших все» миллениалах.

Социологический пролог

Согласно современной теории поколений Уильяма Штрауса и Нила Хоува, можно выделить четыре типа поколений, полный цикл которых («подъем-пробуждение-спад-кризис») в совокупности длится 80—90 лет. Каждый из четырех периодов, соответственно, составляет двадцать с небольшим лет. Ныне популярное учение о «молчаливых», бумерах, поколениях X, Y и Z нередко обвиняют в обобщениях, игнорировании возрастных и гендерных факторов, отсутствии эмпирических исследований и детерминистском подходе со спекуляциями. Тем не менее с начала 1990-х годов заморскую затею с переменным успехом сеяли в отечественную научную почву. В результате появилось «последнее советское поколение» (1964—1973 гг.) и более узкое — «лишнее поколение» (1971—1973 гг.), а также еще формирующееся «цифровое поколение» (2004—2024 гг.). Историческую привязку получили поколения оттепели, застоя и советских реформ, завершившихся пресловутой перестройкой. Отчего вышеупомянутым миллениалам не нашлось своего якоря-события в море истории, есть тайна великая. Может, этих «якорей» слишком много?

В общем, единых категорий в данном вопросе российская наука до сих пор не выработала. Сказались разница с западной моделью лет в десять, «лихие девяностые» полураспада и тучные «нулевые». При этом отечественная модель достаточно точно описывает особенности каждого поколенческого типа.

Российских миллениалов, или «игреков» (Y), в западной теории характеризуют как не доверяющих государству и не желающих в него вкладываться, саморефлексирующих и желающих личной свободы. При этом они готовы непрерывно учиться, развиваться и путешествовать. Противоречий в данном описании заложено немало. К примеру, «игрек» привык надеяться на себя — и при этом очень привязан к родителям (некоторые так и живут с ними после 18—20). В отечественной характеристике тоже немало спорного, однако эти моменты в основном относятся к индивидуальному опыту: воспитанию, характеру,

отношению с родными. Насколько похожи «игреки» на их научное описание, зрителю предоставляют судить современные российские киноистории.

С одной стороны, здесь нас ожидает великое множество серых, пошлых, слабых и просто провальных сюжетов («Рашен юг», «Булки», «Марафон желаний»), неоднозначные сериалы «Мир, дружба, жвачка» и «Чика», полнометражки «Жизнь впереди» и «Тряпичный союз», а также новеллы бесконечного альманаха «Елки», где качественно сняты только две первые части и лента «1914».

На другом краю нашего рейтинга находится небольшое количество историй, претендующих на долгоиграющие хиты или даже смысловую глубину при внешней «тусовочной» картинке. Из относительно крепко сбитого обратим внимание на работы «Я худею» Алексея Нужного (2018), «Холоп» Клима Шипенко (2019), «Молодой человек» Александра Фомина, две части «Непослушника» Владимира Котта (все 2022 года) и на героя немного более позднего поколения — «Хорошего мальчика» Оксаны Карас (2016).

Мажор в лаптях и блогер в храме

«Холопа» видел, наверное, каждый второй российский зритель. Лидер отечественного проката 2019 года, замыкающий тройку самых кассовых фильмов (впереди «Аватар» и «Чебурашка»), повествует о перевоспитании плохого недозрелого экзотическими методами. Сюжетами о «попаданцах» нашу публику давно не удивишь, да и «Шоу Трумана» вполне нашумело в свое время, однако в данной картине на первый план выходит своеобразный катарсис, переоценка героем своей жизни. Залогом успеха картины стал сценарий с хорошим юмором, актерский состав, операторская работа на колоритной русской природе, костюмы и даже некоторый грим. Все это служило главной идее, которая — о чудо! — там была. На стыке эпох, в каждой из которых есть свои мажоры, заметнее проступают и больше ценятся человеческие качества. Помимо важности умений дружить и любить, которые обесценились в беспринципных 1990-х, в фильме обозначен самый важный момент — вера в другого человека. На общем депрессивном фоне это явное социальное развитие и свет в конце тоннеля, а не пресловутый фукуямовский «конец истории». Символично, что этот «свет» открывают миллениалы, когда-то его лишенные. Давние рецензии на эту киноисправительную историю в основном делали акцент на герое Милоша Биковича, Грише. Что вроде бы правильно. Но во многом причина его поведения кроется в отце (Павла играет Александр Самойленко). Это поколение, на глазах которых рушился «Союз нерушимых». Он не верит ни в бога, ни в черта, ни в сына, во всем разочарован и даже не понимает, что женщина, с которой он давно в отношениях, его действительно любит. Персонаж примерно тех же лет в исполнении Охлобыстина представляет иные модели поведения и убеждения. Просто эта «альтернативная формация» не была на гребне волны 1990-х, казалась маргинальной и устаревшей. Поэтому сегодня мы наблюдаем обратный виток цивилизационного маятника. Этим маятником качается представитель поколения «игрек», на котором проводит эксперимент эксцентричный психолог, знающий, что добро часто бывает с кулаками. При этом все максимально технократично: деньги отца погружают сына в популярное и всем понятное реалити-шоу. Однако на печальном контрасте безнравственного капитала и высокого смысла

вызревает достаточно хорошее кино, которому общество прощает даже пару скабрёзных эпизодов.

«Непослушник» в некотором смысле идет по проторенной дорожке «Холопа». Нам показан одиозный зарвавшийся барчонок лет 25—35, наглый, скандальный, эгоцентричный и легко нарушающий чужие личные границы. Он так же оказывается в чуждых для себя условиях выживания-исправления ради (сравните: деревня помещика Российской империи и почти забытый монастырь). Этот антигерой тоже рано потерял мать (сценаристы постоянно пытаются продать сиротство как смягчающее обстоятельство, хотя в ряде советских фильмов после таких трагедий вырастали совсем другие по поведению личности) и был заброшен отцом. В первом, «холопском» случае папа «делал бизнес», во втором — глушил горькую. И тут и там детская травма идет через Великую Потерю. Первый ее сублимирует «вписками», а второй — хайпом с возможностью получить новых подписчиков (потребность в признании) и легкого бабла (на более честный труд нет времени — таково кредо некоторой части нового поколения).

Отличает персонажей и разница в социальных слоях. Мажор не знает бедности и потому лишен качеств «дворового бойца», тогда как блогер хорошо знает цену деньгам и, судя по умению организовывать процесс и заинтересовывать аудиторию, обладает лидерскими качествами. Главный герой в исполнении Виктора Хориняка не особо симпатичен, и артист никак не может выйти из типажа такого же нахрапистого «последнего богатыря». Однако его герой обладает более сложной, чем у «холопа», судьбой, а значит, по жизни должен быть интереснее и глубже. Вместе с тем сценарные диалоги раскрывают эту глубину не очень хорошо. По этой причине диалогия о непослушнике Димонстре смотрится попсовым продуктом с легковесными рассуждениями о вере, церкви, душе и прощении. Во второй части еще и с попыткой примирения в памяти старших поколений религии с комсомолом.

Есть у «конфессиональной комедии» и сильные сценарные стороны. Церковная тематика вшита в ткань истории столь аккуратно, что ничьих религиозных чувств не задевает. Разве что доводит до абсурда сон насельников монастыря на соломе или копание водопровода под песню «Агаты Кристи» «Я на тебе, как на войне», звучащую в обеих частях. Не зря в титрах отдана дань благодарности представителям РПЦ, понимающим мастерство тонкой режиссуры. Из положительных качеств нового поколения, которое представляет персонаж Хориняка, стоит выделить и настойчивость. Она четко выражена в следующем диалоге: «Если мы тебе не поможем, ты все равно это сделаешь». — «Золотые слова!»

Отдельно отметим Таисию Вилкову в роли Насти. Сперва такой духовно чистый образ кажется нереальным. Такие девушки если встречаются, то только в российской провинции. Первоначально Настя выглядит как не совсем или совсем не типичный представитель молодежи на стыке поколений Y и Z. Только во второй части проступает в актрисе что-то из ее былых ролей вроде безвкусицы «О чем молчат девушки» (пусть она там и самая мягкая из типажей) или спорной «Дикой». Символично, что отец Таисии, тоже актер, родом из Ивановской области, где снимали большую часть эпизодов.

Проще говоря, первая «серия» православной диджитал-истории (считай, юмористической притчи) — еще один неровный рассказ об изменении человека, худо-бедной духовной работе над собой, приправленной забавными житейскими

ситуациями. Со съемками в древней Шуе, с батюшкой Анатолием — замечательным Юрием Кузнецовым, которому борода и прищур на исповеди в самый раз. И, конечно, с финалом, сыгранным не киноактерами, а украшенным «Аллилуйей любви» в исполнении простых церковных певчих.

Но если «пилотный выпуск» рассказывал о работе над собой конкретно «игрека», то продолжение со слоганом «вспомнить все!» сместило акцент на того самого батюшку. И не зря. Персонаж раскрывается строго по законам драматургии — кульминация и развязка соврать не дадут! Через призму опыта, исканий и ошибок героя Кузнецова изменяется и бывший Димонстр — молодой отец, избегающий родительской ответственности. В контексте этой проблемы символична фраза, вложенная сценаристами в уста матушки Ефросиньи: «Бога ты, может, обманешь. А ребенка — нет».

В «Непослушнике», как и в «Холопе», нравственное прозрение киногероев происходит благодаря правильному взаимодействию разных поколенческих парадигм. «Непослушная» двухчастная композиция поднимает сложные темы, которые подаются легко — аккуратно на языке молодежной аудитории. Есть в ней и типаж с неплохо прописанными историями. А также на первый взгляд парадоксальное, но логичное для нашего исторического периода сочетание религиозной, советской и «бригадной» тем. Поглядите, сколь иронично обыгран Гошей Куценко «антибезруков» Саша Черный.

При всем том с абсолютным принятием картины зрителем остаются вопросы. Нам пытаются показать относительно светлых либо «серых» персонажей. При этом они малосимпатичны. Не располагают к себе ни церковный функционер в исполнении Лагашкина, ни растяпа Аброскин, ни типичная хваткая хищница Тарасова. Из бросающегося в глаза не совсем приятного стоит упомянуть видеомонтажные ляпы (матушка во второй части за пару кадров-секунд успеваешь побывать сразу в двух местах), а также сценарные допущения и недосказанности. Последние неприменимы для комедий, в которых немало драмы. Особенно жаль былую молодость двух пожилых героинь, которым некогда сломали судьбы. В частности, было бы полезно раскрыть сложный образ Ефросиньи-Елены.

Зато вполне неплохо показаны с поколенческой точки зрения родители главных героев в «Я худею» и «Хорошем мальчике».

Провинциальная история

Актеры, играющие главных персонажей, не принадлежат чисто к поколениям Y или Z (Александра Бортич и Семен Трескунов родились в 1994 и 1999 годах), поэтому выпадают из образа стандартных «зетов». Семен признает, что любит играть «аутсайдеров». Ему ближе «поздние игреки», странные для нового, рожденного со смартфоном в руках, поколения. Наши герои по молодости ищут себя и заодно — ответы на вечные вопросы бытия. Причем в среде вполне себе приземленной. Аня борется с неистребимым желанием хорошо покушать, а Коля — с несправедливостью этого мира и за право на свое мнение. За внешне незатейливым бытом Нижнего Новгорода («Я худею») и условного Подмосковья (город в «Хорошем мальчике» не конкретизирован) спрятаны сложные темы самореализации, принятия мировоззренческих решений, умения прощать, любить и верить в светлое начало в человеке (лейтмотив «Холопа»), выбирать и таким образом *взрослеть*. В картине «Я худею» героиня борется с

собственной ленью и закомплексованностью с совсем не «зетовским» комплексом «что люди подумают», а также представлены целых два вдохновителя на работу — пухляк-активист и подруга возраста «игрек». Тогда как в «Хорошем мальчике» присутствует прием погружения в условно-иллюзорный и в то же время очень «глубинный» российский город. Благодаря этому личность развивается самостоятельно, изменяясь или оставаясь верной себе в процессе столкновения с далеко не пушистой действительностью. Несмотря на то, что у фильмов разные регистры и краски, основные вопросы пересекаются. Только герой-школьник Трескунова из-за родительского воспитания остается «игреком» в душе, в то время как героиня-студентка Бортич, также неосознанно перенимавшая сценарии родительской жизни, безуспешно пытается «косить под Z». На ее стремление *казаться* намекает присутствие персонажа Романа Курдына, на подсознательное желание *быть* — притяжение круга истинно близких людей.

Проблематику поиска своей дороги в современном городе в российском кино пытались раскрывать и раньше. Например, потерянные для других, но найденные для себя голоса звучат в «Питере FM» (2006) и «Еще одном году» (2014) Оксаны Бычковой. Почти каждый «урбанистический» фильм рождается с биением сердца в такт своей эпохе. Вспомним работы совсем другой формации — экранизации «Generation “П”» (2011) о выросших детях 1970-х, «Dухless» (2012, 2015). Присутствуют и современные сюжеты об особенных людях, показывающие милосердную сторону молодого и совсем юного поколений и вновь возвращающие к любви в мировом смысле («Нормальный только я» (2021), «Любовь с ограничениями» (2017)). Однако все эти картины не ставят философские вопросы поколения «игрек» во главу угла. Пионером на этом почетном и многотрудном пути стала кинокартина Александра Фомина «Молодой человек» (2022) — комедия «по гриму», драма по содержанию, с Табаковым-младшим, Олеринской и Козловским.

Как немолды мы были

Фомин известен как режиссер «Восьмидесятых». Кому-то этот сериал пришелся по душе, а кого-то возмутил совершенно «развесистой» клюквой. Посему и «Молодого человека» критики восприняли как нечто симпатичное, но «нестабильное». В этом кинематографическом стыке поколений, ценностей и смыслов есть шероховатости вроде неуместных «лишних» кадров, но больше удачных шуток, реминисценций, аниме-параллелизмов, даже самоиронии Козловского (по тексту прекрасной, по форме нарочито крикливой). Некоторые фразы при более масштабных просмотрах могли бы даже уйти в народ (например, отлично стреляющий в контексте диалог: «Что ты здесь делаешь?» — «Ем завтрак». Или: «Как Платон сказал: “Эврика!”»)… Это драмеди с большим смыслом, первая серьезная попытка рассмотреть под лупой душу миллениала, если душу вообще можно рассмотреть. Но тридцатитрехлетний творец за режиссерским пультом, знающий «игреков» по себе, с задором это пробует делать.

Завязка построена на том, что у главного героя — бывшего золотого медалиста и выпускника МГУ — карьера и личная жизнь не складываются. С увольнением, уходом жены и ипотечной кабалой катятся в тартарары даже пресловутые «дом-работа». Но, как говорится, нет ничего случайного на свете. Образованность и правильность персонажа сталкиваются с невостребованностью в земном

грешном мире, что порождает перманентный внутренний протест. Последний, в свою очередь, вырывается наружу в виде амбициозного «плана от отчаяния». В итоге мы имеем ревность, зависть к ушедшему миллиардеру-экс-однокласснику (и зритель этот порыв самооткровения не осуждает), экзистенциальный спор в виде диалогов с мамой и, конечно, преодоление и обретение себя. Пусть финал не самый волшебный, а вполне жизненный, это то, что нужно для первого в истории поколения, которое психологически отрицает старость.

Иллюзии развеиваются, но продолжается извечная борьба за свой путь (вспомним знаменитое, еще «иксовское» «I did it my way»). Главное, что остается, — любовь. Ей до лампочки теория поколений и «хлопушки» киношников. Она была, есть и будет. В том числе в новом, 2023 году. И в нем зрителя любого возраста порадует выходящий на экраны семейный фильм Ольги Акатьевой «Я читаю», где скромный учитель Саша Макаров внесет свою лепту в образ киногероя-«игрека» нашего времени.

